

*Embassy of the Russian Federation
1125 16th Street, N.W., Washington, D.C.*

January 15, 1993

Валерий Писигин

БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Доклад на конференции «*America and the Russian Future*»
(*Америка и будущее России*)

Дамы и господа!

Мало где говорится столь много о демократии и делается для нее столь мало, как в России. Я имею в виду не демократию как возможность и способность безбоязненно конфликтовать между собой, открыто выступать с критикой, в том числе на таких вот международных конференциях, а демократию как образ жизнедеятельности огромного народа и огромной страны. Как же с этим у нас сегодня, сейчас?

Попытаюсь показать происходящее на частном примере, из которого же попытаюсь сделать некоторые обобщения.

В тихом и красивом городе Пенза люди решили заниматься полезным делом. Создали акционерное общество и стали производить продукт: какие-то там механические узлы для открывания ворот (уж что могут!) и ценные меха, для чего выращивают зверей. Первым товаром пензенские умельцы решили торговать аж с США, а меха и у нас расхватываются.

Но вот беда: по существующему положению с акционерного предприятия требуют:

а) 28% налога на добавленную стоимость от общего объема продажной продукции;

б) 20% таможенного сбора (тоже от общего объема продаж) на целый ряд простейших изделий (замки, задвижки, шпингалеты...);

в) 32% от полученной прибыли. Итого: 80%, не включая обязательные взятки, различные поборы, откупы и тому подобные явления, связанные с периодом так называемого первоначального накопления.

Спросите себя: аль не дураки в Пензе, что занимаются этим делом?

Теперь о мехе. Предприятие, производя пушнину и продавая ее как сырье, не облагается налогом на прибыль. Но стоит выделать шкурку и разрезать ее на пластины – с тебя уже снимают 32% налога на прибыль, а если вы еще из этого вздумаете пошить шапку, воротник или, страшно подумать, шубу, то еще вводится акцизный сбор в размере 20% от общего объема продажного товара.

Какой идиот, спрашивают предприниматели, в этих условиях станет перерабатывать сельхозсырье, выпускать продукцию, открывать свои фирменные магазины, торговать с заморскими странами, богатеть самим и обогащать страну? Вообще, спрашивают, эта страна (как держава) кому-нибудь нужна?

Оказывается, нужна!

Приходит малоприметный человек, скупает шкурки, шьет в темном подвале шапки и продает себе на радость, без всяких акцизов, но платит небольшую мзду местной мафии за место в калашном ряду. Это называется у нас «теневой экономикой».

В результате в государственный бюджет, который стремятся сбалансировать члены правительства, не попадают миллиарды рублей; не развивается внешнеэкономическая деятельность, если речь идет не о распродаже ресурсов; не вкладываются средства в развитие предприятий (попросту не из чего вкладывать), предприятия в конце концов сворачиваются, сокращая базу демократических реформ; процветает и структурируется преступный мир, который получает не только финансовые средства, но и квалифицированные кадры в лице предпринимателей, ушедших от государственного произвола в экономическое подполье; главное же – происходит дискредитация самого демократического рыночного курса и государства как гаранта этого курса, в серьезность которого верят все меньшее число предпринимателей.

И таких проблем и недоуменных вопросов уйма и у банкиров, и у торговцев, и у сохранившихся еще кое-где производителей. И не только в Пензе, а повсюду в России.

Вот вам так называемая *конкретика*.

А вот косвенная реакция на нее.

«Мы не собираемся проводить в отношении кого бы то ни было никаких эксклюзивов», – сообщает наукообразно и не без гордости министр экономики Андрей Нечаев на предложение академика Владимира Александровича Тихонова поддерживать на государственном уровне малый и средний бизнес. *(Телепередача "Красный квадрат" от 3 января 1993 г.)*

Заявление министра экономики и без контекста предельно ясно: ключевые фигуры правительства так и не поняли, в чем главная причина их неудач. Ведь и действия парламента и разного рода оппозиций, и негодующие толпы с уничижительными плакатами – есть лишь следствие и реакция на нерешенные и нерешаемые проблемы. Так и хочется спросить: а, собственно, какой экономики этот министр? Уж не той ли, где торгует шапками из-под полы малоприметный пензяк?

Это говорится в стране, где господствует государственная форма собственности, где уже год высокая инфляция, где много нищих, разгул преступности, социальная апатия, кризис нравов и духовности, грозит безработица и тому подобное, причем говорится министром правительства, проводящего демократические преобразования и борющегося за бездефицитный бюджет, правительства, за сохранение которого президент и много добрых людей ломают копья, ругаются, ссорятся между собой... А если подумать – так ради чего?!

Это тоже «конкретика», а далее – проблема, из нее непосредственно вытекающая.

Частный случай пензенских предпринимателей и косвенная реакция на него министра экономики (на фоне умиллионивающихся проблем) убеждают в том, что системы исполнительной власти в России попросту нет. И если так, то и никакой «борьбы двух ветвей власти» тоже нет и быть не может. В форме этой «борьбы» происходит нечто более сложное, а то и вовсе иное: законодательная власть вольно или невольно узурпирует функции исполнительной, тем самым создавая новую политическую реальность.

Но если так, то вполне естественно, что взоры регенерирующей государственной бюрократии, стремящейся к самоидентификации, обратились к Российскому парламенту с его комитетами, подкомитетами, комиссиями и подкомиссиями (которые бюрократия стремится захватить), с корпоративной связью с местными Советами всех уровней (начиная с сельсовета), с его колхозно-совхозным менталитетом, наконец, со старой конституцией, которая в руках парламента и его спикера служит поистине дрожжами для восходящего российского чиновничества.

Надо иметь в виду, что такая древняя субстанция, как российская бюрократия, несмотря на многообразные видовые различия, которые она принимает в зависимости от обстоятельств места и времени, свою родовую сущность не меняет. Занимаясь и распоряжаясь всем и всеми, собою бюрократия заниматься и распоряжаться не дает никому. Достаточно припомнить прошедший съезд, где депутаты пытались обуздать не только прессу, но и сам российский народ, запретив ему судить о состоятельности власти «народных» избранников.

Реформистские кампании Горбачева и Ельцина изрядно потрепали наше чиновничество, выбив из его структур голубую кость – партийную номенклатуру, а события августа 1991 года и последовавшая за ними миграция иерархий произвели в российской бюрократии заметные деформации. В освободившиеся кабинеты устремился поток политических новобранцев, которые и мечтать не смели о таких высотах. И пока активисты демократических движений, упиваясь августовской победой, всерьез занимались переименованием улиц и интересными рассуждениями о будущем устройстве, в том числе и о *ветвях власти*, новое чиновничество методично заполняло иерархические клетки государственного организма в центре и на местах, встраиваясь в неизменившуюся модель общества при абсолютном преобладании государственной собственности.

Так в свое время малозаметный сталинский Учраспред привлек к себе моложавую и тонкошкурную политическую шпану, из которой в одночасье вырос гигантский и безжалостный государственный аппарат, до последнего времени прикрывавшийся коммунистической фразой. Тогда, как и сейчас, номенклатура выбирала: *с кем быть?* И предпочла посредственного, но последовательного интригана Джугашвили экзальтированным героям революции. И не ошиблась...

Для этой модели характерен именно монополизм власти, ее неделимость и принципиальная безраздельность. Законодатель – он же и распорядитель, и начальственное распоряжение им же возводится в единственный закон. Так называемые «подзаконные акты» в бюрократической структуре становятся надзаконными и наделяются высшей силой. При таком обороте затянувшиеся тяжбы между исполнительной и законодательной властями очевидны: в сущности, спорят не о разграничении власти, но о её монопольном воссоединении; не о том, как развести и сочетать эту власть, а как вернее прибрать её к рукам вместе со всем пучком властных функций и полномочий.

Министр печати Михаил Федотов, отдавая дань модной рыночной лексике, очень точно назвал это «приватизацией законотворчества» (в телепередаче "Без ретуши"). А писатель Даниил Гранин, справедливо заметив, что номенклатура не привыкла делить власть ни с какими другими ветвями, замечательно и образно сформулировал: *«Ствол этой власти гол и прям, как ствол автомата»*.

Но было бы несправедливым винить во всем одних лишь недобросовестных депутатов, которые вынуждены становиться добросовестными чиновниками. Не развивая адекватно провозглашаемой политике экономику, не беспокоясь о создании социальной базы демократических реформ, оставляя по сути нетронутой систему государственного монополизма, наши либеральные реформаторы так и не создали политическую среду для самоутверждения (самоидентификации) отечественной бюрократии, опрометчиво предоставив ей оставшийся институт Советов – апробированный политический эквивалент государственного монополизма, и главное, они, как мы уже говорили выше, не организовали систему исполнительной власти.

В итоге молодая российская демократия может закончиться не начавшись. Не решив, даже не продвинувшись к решению глобальных социальных проблем (наоборот, ухудшив их), реформаторы поставили под сомнение саму идею демократии на российской почве и подвигли своих политических оппонентов к поиску иных, недемократических, путей к разрешению внутриполитических проблем.

Сегодня ещё не поздно организовать систему исполнительной власти, с учетом глобальных политических изменений в мире и с учетом изменений в самой России. Мы должны определить место и значение

президента, определить, в чём его реальная роль, вспомнить, что всенародно избранный президент не глава лишь исполнительной власти, но глава Российского государства. И если президент хочет оставаться президентом при изменившихся обстоятельствах, он должен быть заинтересован в сильной исполнительной власти. Сильной – не значит тоталитарной и кровавой.

Следует, наконец, определить что демократия – это не лишь возможность открыто противостоять власти и проводить референдумы, которые сами по себе, конечно же, не решат главных проблем. Демократия, если хотите, есть самый настоящий эксклюзив (по-русски – предпочтение) в пользу человека-гражданина как главного субъекта экономической политики. Это значит, что демократия – то народовластие, при котором открыта дорога частному предпринимательству, кооперации, тому, что в мире называют малым и средним бизнесом. Всё это составляет тот самый социальный слой, который, дотянувшись до высокой политики, сможет обеспечить необратимость демократических реформ в России, и главное, он позволит пензякам, смолянам, тюменцам и всем остальным самостоятельно решать свои социальные проблемы.

Пока не произойдет денационализации госсобственности, действительной, а не мнимой, приватизации, пока президент и правительство не увидят в негосударственном секторе экономики основу для демократической политики и не начнут проводить в отношении него протекционистскую политику, придав ей высокий статус государственности, пока не увяжут проблемы предпринимательства с приватизацией, финансовой политикой, внешнеэкономической деятельностью, регионализацией, – до тех пор сохраняется основа для государственного монополизма в политике, реванша со стороны реакционных сил, при котором «новая–старая» бюрократия может легко устранить возникшие в последнее время противоречия между центральной и местными властями, заключив, для начала, своеобразный бюрократический договор о балансе и взаимоотношении сил, при вступлении в силу которого для демократии и для многих из нас попросту не останется места.

Спасибо за внимание.

15 января 1993 г.

